

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

**СЕКРЕТНЫЕ
ЛЮДИ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Секретные люди / Николай Свечин. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-229921-6

Рождественский Петроград. За роскошным ужином в модном ресторане сыщики Лыков и Азвестопуло обращают внимание на двух подозрительных типов, сидящих неподалеку. Один из них молодой, по виду фартовый с явно уголовными манерами. Второй бритый, щеки аж лоснятся — без сомнения немец. Сыщиков хоть и развезло маленько, но все же они решают проследить за подозрительными субъектами.

Однако блатной и немец ловко растворяются в сырой питерской ночи. Их следы приводят сыщиков в гостиницу «Митава», где коридорный не раз видел парочку в отдельном номере. Вот и прекрасно! Сейчас криминалисты идентифицируют уголовного по пальчикам и узнают его имя в регистрационном бюро Департамента полиции.

Результаты экспертизы оказались просто ошеломительными... В гостиничном номере нашли лишь отпечатки немца Веделе. Других отпечатков не было. Точнее, были, но без папиллярных линий. И как же идентифицировать следы, которых нет?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229921-6

© Свечин Н., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТИ ПЕТРОГРАДА

Лыков вышел на улицу, осмотрелся. Восьмой час вечера... Каменноостровский проспект был ярко освещен, по нему в обе стороны сновали люди, катили экипажи, мигали сигнальными огнями трамваи. Оставалось чуть больше недели до Рождества, и питерцы готовились к празднику, закупали подарки для близких и всякую снедь.

Статский советник сел в трамвай второго маршрута, что курсировал между Новой Деревней и Михайловской площадью. Ему было лень тащиться своим ходом через Неву. Алексей Николаевич намеревался вкусно отужинать. Они договорились с Азвестопуло покутить в ресторане «Контан», что на Мойке возле Красного моста. Сергей осваивал новую для него роль богатого человека. Вернувшись из Якутии с капиталами, он постепенно входил во вкус. В частности, нувориш повадился посещать с шефом дорогие заведения и изучать их кухню. Лыков раньше него освоил преимущества, которые

дает богатство, и охотно делился с помощником сокровенными знаниями. Тот впервые мог платить за ужин сам. И теперь даже злоупотреблял этим.

Выйдя на Суворовской площади, сыщик опрометчиво двинул через Марсово поле. И вскоре пожалел об этом. В мирное время плац убирала солдаты лейб-гвардии Павловского полка. Сейчас они были на фронте, за исключением запасного батальона. А тыловики вольничали и плохо чистили плац от снега. Алексей Николаевич сбавил ход. Все же рейд в далекие студеные горы дался ему нелегко: возраст давал о себе знать.

Увязая в снегу по щиколотку, сыщик тихо бранился под нос. Он решил выбраться на Миллионную улицу и свернул к Мраморному дворцу. Тут из-за рождественских балаганов вылез долговязый парень в треухе, с наглыми глазами фартового.

— Эй, дядя! Сколько время? — спросил он дерзко.

Лыков ответил в тон ему:

— Без пяти минут не твое дело!

— Ишь как гундосит... А вот это, дядя, видал?

И налетчик вынул из кармана полушубка нож.

Статский советник вздохнул: опять... Не драться же с дураком? Он полез в подмышечную кобуру и извлек браунинг:

— А ты вот это видал, баранья голова?

Фартовый взвизгнул и бросился было наутек. Алексей Николаевич стрельнул ему под ноги, и тот сразу плюхнулся в снег:

— Не убивай, дядя, я сдаюсь!

Лыков приблизился, поставил ему на спину ногу и огляделся. Перед Мраморным дворцом разгуливал городской, но он не решился покинуть пост. Тогда сыщик вынул свисток и подал полицейский сигнал «ко мне!»: два длинных свистка, два коротких и снова два длинных. Тут же постовой подбежал к нему. Это оказался хорошо знакомый статскому советнику городской Первого участка Адмиралтейской части Савушкин.

— Что прикажете, ваше высококорodie? Опять жулика поймали?

— Бери выше, Савушкин. Там где-то его ножик валяется, подбери.

Служивый поднял финку:

— Ого! Вооруженный грабеж! Арестантские роты.

— Пойдет к дяде дрова колоть, — согласился сыщик¹.
Городовой поднял задержанного и обыскал.

— Чистый, ваше высококорodie. Прикажете сдать в участок?

— Да, ступайте. Скажешь приставу, что письменное объяснение я пришлю завтра.

— Слушаюсь. Двигай копытами, кузькина позевота! Нашел на кого руку подымать — на самого Лыкова!

Алексей Николаевич рванул к Конюшенному ведомству. Здесь снег убрали, идти стало легче, и он бодро

¹ У дяди дрова колоть — отбывать срок в исправительных арестантских отделениях (*жарг.*).

доковылял до ресторана. Помощник уже ждал его. Сергей с видом завсегдатая перелистывал меню. На столе красовались английская горькая водка и метакса.

— Ну наконец-то... Я тут скучаю, не знаю, что выбрать.

После объявления в стране запрета на продажу крепкого алкоголя его подавали лишь в ресторанах. Доктора могли выписать рецепт больному, нуждающемуся в лечебных дозах коньяка. Некоторые эскулапы уже сделали на этом состояния...

Азвестопуло ворчливым тоном стал зачитывать, косясь на шефа:

— На первое официант рекомендовал суп пьемонтез, а на горячее — лангет де бёф пейзан. Что скажете, господин специалист по шамовке? А еще есть суп перль де орж, утка маренго, консоме озор и севрюга стофато. С чего начнем?

Статский советник бесцеремонно вырвал у коллежского ассессора меню:

— Дай сюда, мизерабль!¹ Учишь тебя, учишь, а толку нет. Я ведь в тот раз уже говорил: суп пьемонтез — это смесь из толченых сухарей, яиц и сыра с пряностями. Ее сбивают и потихоньку льют в горячую воду. Дрянь редкостная.

— М-м...

¹ *Мизерабль* (фр.) — жалкое, несчастное существо.

— Суп перль де орж не лучше. Пюре из перловой крупы с добавлением сливочного масла, яиц и тех же пряностей. Ну и мяса чуток.

— А...

Лыков не дал помощнику договорить:

— Утка маренго ничего, есть можно. Ее сначала обжаривают, потом тушат в белом вине, добавляя помидоры, грибы и чеснок.

— Но почему так назвали? — заинтересовался Сергей. — Ведь маренго — это цвет. Серый.

— Маренго — это город в Италии, где в тысяча восьмисотом году Наполеон победил австрийцев, — пояснил шеф. — Кстати, с большим трудом и благодаря цепи случайных везений. Он щеголял тогда в серой шинели, вот потому и назвали так цвет. А утку, или цыпленка, тут историки спорят, ему подали сразу после битвы. Тогда в нее добавляли яичницу с раками, но сейчас от этого отказались.

— Беру, — решил богачей. — А остальное как перевести на русский язык?

— Лангет бёф пейзаж — тонкие кусочки отбитой говяжьей вырезки, тушеные по-крестьянски, то есть с овощами и беконом. Ну, есть можно... А севрюга стофато — значит приготовленная в печи.

— Та-ак, — сурово сдвинул брови грек. — Севрюга тоже беру, побалую организм. А ваше высокородие чем заполнит вечер?

Лыков опять зашуршал меню:

— Начну с консоме прентантьер. Мясной бульон с рублеными овощами. Вкусно! Далее, хочу жиго де мутон — запеченную заднюю ногу барашка. Мозги беарнез тоже хорошая штука: подаются с яично-масляным соусом, где мало белков и много желтков, а также тимьян, эстрагон и другие пряные травы...

Азвестопуло вынул блокнот и прилежно записал слова шефа:

— Поражу Машку, когда придем сюда вместе.

— Жене предложи гато франжипаль, это сладкие пироги с миндальным кремом.

— Запротоколировал, Алексей Николаич. Блесну — ух! Ну, начнем?

Несмотря на рождественский пост, в первоклассных ресторанах предлагали в большом выборе скромные блюда. И то сказать: с началом войны люди стали меньше соблюдать такие обряды. Словно подозревали, что недолго осталось веселиться и надо набаловаться властью...

Сыщики заказали каждый свои блюда и, не дожидаясь горячего, выпили по первой. На закуску шли буженина, тонко нарезанные сухие колбасы и медвежий окорок.

Спустя час осоловевшие и умеренно хмельные, Лыков с Азвестопуло вели разговор ни о чем. Оркестр лиристов услаждал их слух. По залу прошел и помахал статскому советнику Игнатий Игнатьевич Липский, директор «Контана» и популярный в столице человек:

— Как дела? Якши? Ну, слава богу!

Сергей вынул пачку дорогих папирос «диамант» и дымил не хуже паровоза. Он вспоминал холодные якутские реки, бухту Гертнера, спасительный миноносец на серых волнах, бой с бандитами в устье Сусумана. Алексей Николаевич вяло ему поддакивал. Сыщики выпили, не чокаясь, за упокой души Волкобая, похороненного у слияния Сусумана с Берелёхом¹. Тут мимо них прошла красивая дама в модном наряде. Алексей Николаевич проводил ее оценивающим взглядом и вдруг повернулся к помощнику:

— Однако мы с тобой слишком расслабились, Сергей.

Тот встрепенулся:

— Что не так?

— Позади нас сидит незнакомый человек, по виду — фартовый.

— Ну и что? Порядок не нарушает? Пьет-закусывает? Это не запрещено.

— Ты не понял. Он преступник. Глянь на него, только незаметно.

Коллежский ассессор скосил глаза и потянулся к рюмке:

— Да, рожа знатная. Я его тоже не знаю, но... явный маттойд². Однако что с того? Славный юноша. Может,

¹ См. книгу «Адский прииск».

² *Маттойд* — здесь употреблено в неточном значении как человек с преступными наклонностями.

он отсидел свое, а теперь празднует освобождение. И мы будем из-за него портить себе вечер?

— Будем, Сережа, — срезал его шеф. — Потому как его собутыльник не нравится мне еще больше, чем твой славный юноша. Заметил особенность его внешности?

— Типичный немец. Бритый, щеки аж лоснятся. Таких тысячи.

Алексей Николаевич понизил голос:

— Мы ведь воюем с германцами — забыл?

Азвестопуло никак не хотел прерывать ужин:

— Если германец, то сразу шпион, что ли? И он вот так, у всех на виду, в дорогом ресторане общается со своим агентом? А не проще на явочной квартире в Парголово, без свидетелей? Знаете, как это называется, Алексей Николаевич? Шпиономания.

Лыков замешкался. В самом деле, для свидания с агентом место выбрано неудачно. И глупо пороть горячку. Два приятеля выпивают. Пусть у одного из них наружность человека из блатного мира, но за это не арестовывают. Второй вроде михель¹. И что? Скомкать такой приятный вечер?

— Давай телефонируем в сыскную, чтобы прислали двух топтунов, — предложил старый сыщик молодому. — Пускай проследят за ребятишками. Утром узнаем, кто они такие.

¹ Тогда в России нарицательное имя «михель» означало то же, что во время Великой Отечественной войны «фриц», то есть немец.

— И продолжим угощаться? Тогда я пошел звонить.

Грек сорвался с места и направился в телефонную комнату. Только он скрылся за дверью, как незнакомец с лицом маттоида бросил на стол трешницу и тоже направился к выходу. Выждав паузу, статский советник двинул в гардероб. Однажды, много лет назад, он так же интуитивно вышел из поезда на глухой станции, заподозрив в незнакомом попутчике опасного злодея и решив его проследить. И не ошибся. Тогда сыщик открыл банду, которая под видом лесных объездчиков жила в лесах Вязниковского уезда. Много лет разбойники нападали на Московском шоссе на экипажи, убивали ездовых, а тела зарывали в лесу. Свидетелей и улики не оставляли. Вокруг их сторожки потом обнаружили целое кладбище. Люди пропадали бесследно, полиция смотрела на это сквозь пальцы: нет трупа, нечего и дела заводить... Лишь профессиональная наблюдательность сыщика — а фартовых он видел за версту — помогла уничтожить опаснейшую шайку¹.

Получив свое пальто, Лыков вышел на улицу. Объект как раз сворачивал на Гороховую. Он обернулся — сыщик предвидел это и снуло поплелся к Мойке. Постоял у перил, глядя на застывшую рябь реки, и спиной почуял, что парень не ушел, а ждал за углом и высунулся — проверил, нет ли хвоста. Обычные люди так себя не ведут... Клюет, клюет! Только вот как выследить ночью столь осторожного преступника?

¹ См. повесть «Ночные всадники».

Алексей Николаевич поспешил к перекрестку и тоже свернул на Гороховую. Незнакомец удалился от него уже на пятьдесят метров (Лыков старался пользоваться метрической системой, которая все больше вытесняла старые сажени и аршины). Сыщик перешел на другую сторону улицы — так легче оставаться незамеченным — и зашагал следом.

Вдруг, почти дойдя до Казанской улицы, бывшей Кошкиной, фартовый шмыгнул в подворотню и был таков. Ворота в это время суток полагалось запирать! Не иначе, прежнего дворника призвали в армию, а его сменщик оказался ленив...

Движение на Гороховой было небольшое, и полицейский смог быстро пересечь ее. Шагнув в распахнутые ворота, прислушался. Шаги удалялись в сторону бывшего Николаевского сиротского, а ныне Женского педагогического института. Идти следом? Темно, безлюдно, парень тертый — можно нарваться на перо¹. Сыщик сунул руку за пазуху, взялся за ручку браунинга и медленно двинулся вперед, будучи настороже. Но, пока он дрейфил, блатной времени не терял, и вскоре послышался стук копыт. Лыков выбежал на Казанскую и увидел финский возок, быстро удаляющийся в сторону Невского проспекта. Проклятье!

Поблизости не было ни одного экипажа, и объект слежки благополучно ушел от наблюдения. Злой как черт

¹ То есть на нож.

Алексей Николаевич вернулся в «Контан», но не обнаружил там ни своего помощника, ни предполагаемого германца. Ему оставалось только отправиться домой.

На квартире статский советник первым делом выпил для сугреву пару рюмок водки. После чего приволок стул в коридор и уселся возле телефонного аппарата. Он начал чистить канал ствола браунинга, браня под нос фартового с Марсова поля, добавившего ему работы. А сам ждал сведений от помощника, и не обманулся. Через сорок минут раздался звонок. Лыков снял трубку и услышал голос Азвестопуло:

— Шеф, это вы?

— Да. Говори.

— Я проследил бритого до гостиницы «Митава». Действительно, русскоподданный немец, звать Теодор Генрихович Веделе. Проживает постоянно в Москве, комиссионер по бурому и коксующемуся углю. Завтра наведу о нем справки и в полиции, и в контрразведке. А у вас как?

— Обдурил меня фартовый, — пожаловался Лыков. — Умчался на вейке¹, даже рукой не помахал.

— И?

— Утром проверю его по картотеке. Спи, ты молодец. В отличие от меня...

— Шеф, не расстраивайтесь. Вспомните, какая была утка маренго!

¹ Вейками питерцы называли финнов, подряжавшихся на Рождество в столицу катать веселящуюся публику.

— Только ею и утешаюсь. Приходи завтра пораньше, будем вместе искать этого прохвоста.

На другой день розыски фартового не задались с самого начала. Опознать его можно было лишь по фотокарточке, а как отыскать такую в огромном архиве Департамента полиции? Сотни тысяч сигналитических карточек! К вечеру Азвестопуло добавил огорчений. Теодор Веделе был хорошо известен контрразведке по подозрению в шпионстве. Вроде бы его неотступно водят по Первопрестольной филеры охранного отделения. А он ужинает в Петрограде на Мойке... Шпицкоманда¹ департамента помчалась в «Митаву», но германец успел съехать. Коридорный сообщил, что в шесть часов утра к нему явился знакомый, и через пять минут оба покинули гостиницу. Судя по описанию, этот человек и был тем уголовным, который вчера так ловко провел Лыкова.

Прибыли криминалисты и долго снимали отпечатки пальцев. Коридорный между тем вспомнил, что за последнюю неделю утренний гость приходил к германцу трижды и сиживал подолгу. Алексей Николаевич загорелся: парень не мог не наследить, сейчас его идентифицируют по пальчикам! Однако криминалисты развели руками: весь номер в отпечатках лишь одного человека, видимо постояльца Веделе. Других отпечатков нет. Точнее, они есть, но необычные: без папиллярных

¹ Арестная команда.

линий. Жировой след имеется, а рисунка на нем не видно. Криминалисты предположили, что, войдя в номер, фартовый надевал на руки резиновые пальцы, которые используют доктора и провизоры. Так в последнее время нередко поступали воры, начитавшись в газетах про успехи дактилоскопии.

Азвестопуло расстроился, а его шеф, наоборот, обрадовался:

— Едем обратно на Фонтанку, у меня есть идея.

Они вернулись в департамент и сразу же спустились в подвал, где хранилась картотека. Алексей Николаевич обратился к Вилодаки:

— Александра Андреевна, нужна ваша помощь.

Вилодаки служила в регистрационном бюро Департамента полиции под началом знаменитого Салькова. Она вместе со второй дамой, вдовой губернского секретаря Зверевой, отвечала за картотеку дактилоскопических оттисков. Трудолобивая женщина, личная почетная гражданка, награждена золотой медалью на аннинской ленте «За усердие». Большой знаток всякой дряни!

— Слушаю вас, Алексей Николаевич.

— Напомните, пожалуйста, сколько у нас в картотеке числится лиц, не имеющих на коже своих пальцев папиллярных узоров? Помнится, только один?

— Точно так, — подтвердила чиновница. — Это очень редкое заболевание, не больше случая на миллион. И очень удобное для преступного элемента.

Азвестопуло разинул рот:

— Э! Вы о ком говорите? Есть такие ребятишки, у которых гладкие пальцы?

Вилодаки была замужем за греком, потому симпатизировала Сергею, и ответила вежливо:

— Есть. Это уникальное исключение. Вся ладонь гладкая, представляете? Можно воровать, убивать, а по отпечаткам полиция тебя никогда не найдет¹.

— Впервые слышу, — признался коллежский асессор. — Эвона как... Потому мы и не нашли в номере пальчиков гостя?

— Думаю, это был он, — кивнул Лыков.

— Да кто, скажите, наконец!

Александра Андреевна полезла в самый нижний ящик и вынула оттуда регистрационную карточку с прикрепленными к ней фотографиями в двенадцати позах:

— Знакомьтесь: рецидивист Павел Главанаков по кличке Пашка Бравый.

— Узнаю! — вскричал грек. — Ей-богу он, маттоид из ресторана. Ах, стервец. И какая у него специальность?

— Убийства, — тихо ответила женщина.

Сыщики понурились. Вилодаки глянула в карту и продолжила:

— Осужден Петербургским окружным судом в тысяча девятьсот двенадцатом году к бессрочной каторге

¹ В наше время эта редкая генная мутация получила название адерматоглифия.

за три разбоя, сопровождавшиеся человеческими жертвами. Сбежал с этапа, с тех пор находится в розыске. Очень опасный.

— Еле-еле Филиппов¹ его поймал, — продолжил Алексей Николаевич. — Группы есть, четверых он зарезал, гадина. А отпечатков пальцев нет. Только агентура и помогла.

Он взял Сергея за рукав и повернул к двери:

— Акт дознания и судебное дело мне на стол срочно. Ступай в ПСП, поговори с теми, кто вел дознание. Также и с осведомительной агентурой, которая его выследила. Подельники, барыги, любовницы, приятели, родня — все что есть. Фотопортреты размножить, раздадим их постовым городовым. Пусть сделают двести штук.

— А вы куда? — спросил коллежский асессор.

— Пойду признаваться Брюну, как я упустил очень опасного человека. А ты — шпиона.

Брюн-де-Сент-Ипполит, директор Департамента полиции, не сильно симпатизировал Лыкову. Но, как человек порядочный, подытожил рассказ сыщика так:

— Бывает с кем угодно. Один, ночью, на пустых улицах — такую слежку вести трудно. Не вините себя. Мог и пырнуть в подворотне...

— Я держал это в голове и дистанцию взял почти полную. Вот и упустил.

¹ Владимир Гаврилович Филиппов тогда — начальник Петроградской сысской полиции (ПСП).

Действительный статский советник махнул рукой:

— Зато теперь мы знаем, что Главанаков в столице. Поднимаем всех, будем ловить.

— Он был в столице, — поправил начальника сыщик. — И наверняка уже покинул ее. Видимо, преступник заметил мое неуклюжее филирование, оторвался, а рано утром нагрянул к сообщнику и увез его прочь. Где их теперь искать?

— Главанаков ведь в циркулярном розыске?¹

— Да, с тысяча девятьсот двенадцатого года, со дня побега. Вы ведь знаете, Валентин Анатольевич, как это обычно бывает. Когда человек попал в горячие списки, его первое время ловят весьма энергично. Все на ушах стоят! Но если сразу не изловили, постепенно о злодее забывают. Новые герои появляются, и фокус переводят на них.

— Мы напомним, — погрозил кулаком неведомо кому директор. — Заново фокус наведем. Тут еще германский шпион. Безобразие! Двое негодяев в центре Петрограда спокойно угощаются в первом классе ресторана. Так не годится. Подключайте контрразведку, а я доложу Владимиру Федоровичу.

Товарищ министра внутренних дел генерал-майор СЕИВ² Джунковский одновременно командовал Отдельным корпусом жандармов и курировал полицию.

¹ *Циркулярный розыск* — всероссийский.

² Свиты Его Императорского Величества.

Вечером вместо того, чтобы идти домой, Лыков за-сел в своем кабинете с окном на внутреннюю тюрьму департамента. Он разложил перед собой загадочные шнуры, которые отыскились в номере Веделе. Их было три: черного цвета, зеленого и синего, и на каждом красовались узлы. Больше всех — на зеленом, под две сотни. Дальше шел черный, там счет шел на десятки, а наименьшее количество узлов имелось на синем шнуре.

Статский советник начал перебирать добычу, морща лоб и напевая под нос что-то унылое. Азвестопуло, собравшийся уже уходить, сел напротив и тоже сделал задумчивое лицо. Так длилось долго, и вдруг Алексей Николаевич сменил минорную мелодию на мажорную. Он пересчитал узлы на черном шнуре и ухмыльнулся:

- Попались.
- Кто и куда? — не понял грек.
- Скажи, Сергей, кому из военных присвоен черный цвет мундирного прибора?
- Артиллеристам и саперам.
- Верно. А синий?
- Кавалерии.
- Зеленый?
- Пехоте.
- Молодец. Теперь вопрос потруднее: сколько пушек у нас в артиллерийской бригаде?
- Э-э... черт ее знает. Сто?

— Загнул, — продолжал веселиться статский советник. — Уточняю: в бригаде два дивизиона, в каждом по три батареи, а в батарее по шесть орудий. Сколько получается?

— Тридцать шесть.

— А теперь пересчитай узлы на черном шнуре.

Помощник сосчитал и воскликнул:

— Тридцать шесть!

— Сообразил? Это результат наблюдений за железнодорожными перевозками. Агент сидел где-то на полустанке и считал идущие в сторону фронта поезда. Пехоту перевозят в теплушках по сорок человек...

— Точно, там еще написано: «Сорок человек, восемь лошадей», — вспомнил помощник.

— Именно. И муды¹, в смысле пехоты, у нас в армии больше всех. Посмотри, сколько узлов на зеленом шнуре: две сотни с лишком. Один вагон — один узел. Получается восемь тысяч солдат, неполная дивизия.

— Черные узлы — значит, мимо проехала артиллерийская бригада, — подхватил коллежский асессор. — Пушки везут на открытых платформах, сосчитать их легко. Но почему так мало отмечено конницы?

— А она почти вся заранее стояла на границе, — пояснил Алексей Николаевич. — Таков был план мобилизации. Пока еще из отдаленных окраин приедут в пехотный полк запасные. На это время врага должна

¹ *Муда* — прозвище пехоты в русской армии.